

ЛЮДИ И ВЕЩИ

Л.В. Чижова

ИРАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВА ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И ТОРГОВЫХ КОНТАКТОВ МОСКОВСКОЙ РУСИ

(по материалам коллекций музеев Кремля)

Хорошо известно, что Россию и Арабский мир с древнейших времен связывали оживленные торговые взаимоотношения. Описание торговых путей через земли Древней Руси, обычаи россос и товары, которые можно от них получить, встречаются в записках арабских географов и путешественников, ученых и торговцев начиная со второй половины VIII в. Одно то, что Древняя Русь активно использовала в качестве разменной монеты арабские дирхемы, а эквивалентом им в русском варианте выступала шкура одной куницы (отсюда и название русской денежной единицы – куна), говорит о том, какую роль играла арабская торговля на Руси. Свидетельства ее сохранились в виде значительных кладов монет, открываемых в ходе археологических исследований XIX–XX вв., и широко представленных в российских музеях.

Активная торговля продолжалась до XII в., пока занявшие южно-русские степи половцы не отрезали русские княжества от ближневосточных рынков. Опустошительное нашествие монгольской орды завершило отторжение Руси от ближневосточных торговых центров. Именно арабские источники сообщают, что «торговля остановилась» в этот период, что существенно отразилось на доходах арабских купцов. Именно им эта торговля была чрезвычайно выгодна, так как товары приобретались по очень низкой цене, а прибыль составляла до 400 %. Русь экспортировала на Ближний Восток прежде всего мех, который в арабском халифате считался царским украшением и высоко ценился. По данным арабских источников IX–XII вв. «...не было князя, который бы не имел меховой шапки или опушки на праздничном костюме...». Среди других товаров популярностью пользовались кречеты, натренированные для охоты.

Поэтому не удивительны и те попытки, которые предпринимали купцы к возрождению торговли, как со стороны Руси, так и со стороны Востока. Как свидетельство таких попыток следует рассматривать упо-

минания о восточных товарах на рынках русских княжеств, и особенно записки русских купцов, посетивших страны Исламского Востока.

Но торговые связи XIV–XV вв. идут уже по новому пути – по реке Волге от Твери к Астрахани, постепенно втягивая и Москву, а позже как по Каспийскому морю, так и сухопутными путями в Среднюю Азию, Иран, Индию. Этот обоюдный интерес к возрождению восточно-русского рынка вызывает и обмен политическими миссиями. Между понятиями торговая и политическая миссия грань достаточно прозрачна. Для того времени весьма сложно определить была ли та или иная миссия торговой или дипломатической, поскольку купцы старались заручиться грамотами своих правителей к соседям с предложением «мира и дружбы», подразумевая под этим ведение свободной торговли. Дары, привозимые такими посольствами, не обязательно были работой национальных мастеров, скорее это были лучшие образцы тех товаров, которые содержал караван.

В то же время во второй половине XV в. Русский двор разработал пышный церемониал приема посольств, как дипломатических, так и торговых. Они проходили с большой торжественностью в парадно-приемном зале Московского Кремля – Грановитой палате. Церемония, возможно с некоторыми отклонениями, была неизменной на протяжении XV–XVII вв. и предусматривала обязательный обмен подарками. Дары заносились в особую опись, поступали в государственную казну и обязательно оценивались, поскольку затем, отправляя ответное посольство, везли подарков на сумму, превышающую стоимость полученных даров. Сами дары выставлялись для обозрения во время последующих приемов и на каждой вещи, как правило, была «этикетка» с упоминанием имени правителя, приславшего дары, даты привоза и стоимости даров.

Таким образом, на основании названий даров, упоминающихся в списках Государственной казны, возможно предположить, что на Руси четко различали характер посольства. Дары дипломатической миссии назывались поминками, то есть переданные на память от одного правителя другому, от равного равному. Подарки торговых представителей, свиты посла, самого посла назывались дарами, явно подчеркивая более низкий статус дарителя.

Коллекция иранского искусства сложилась в ходе обмена посольствами, а следовательно и дарами-поминками. По мнению иранских историков, первое упоминание об установлении именно дипломатических отношений между Россией и Ираном можно отнести к 1490 г. Очевидно, обмен посольствами был связан с возникновением военной угрозы Ирану в лице Турции, что побудило Иран к поиску союзников, выну-

див обратить внимание на Россию. Однако никаких прямых упоминаний о дипломатических посольствах конца XV – первой половины XVI вв. в русских источниках не сохранилось, как не сохранились и сами иранские поминки. Лишь по некоторым архивным документам, в частности донесениям соглядатаев крымского хана турецкому султану Сулейману I известно, что и в 1521 г. Москва снова приняла иранское посольство, явно направленное на установление военного союза, так как ответными дарами московского великого князя были пушки, броня (доспехи) и мастера, способные их изготавливать.

Отсутствие письменных свидетельств о посольствах в русских источниках не случайно. Лишь в 1549 г. в Москве, в системе государственного управления был создан Посольский приказ. Он ведал всеми международными делами и вел подробные записи, касающиеся любых международных переговоров.

Отсутствие же даров в Государственной казне очевидно связано с трагедией 1605 года, когда казна попала в руки Лжедмитрия I и была почти полностью разграблена. В оставшейся незначительной части некогда богатейшего собрания, производившего ошеломляющее впечатление на иностранцев, видевших его, вещей, которые можно было бы связать с иранскими посольствами 1490 г. и 1521 г. нет, как, впрочем, и вообще изделий иранских мастеров конца XV – начала XVI в. Сохранились «поминки» посольства 1590 года от иранского шаха Аббаса I, в числе которых на первом месте упоминается седло, а усилиями исследователей восточных коллекций Музеев Московского Кремля М.М. Денисовой и И.И. Вишневской реконструируется и почти весь состав посольского привоза. Очевидно, наряду с традиционными дарами – драгоценной тканью, которая по этикету могла быть преподнесена человеком любого ранга – послом, купцом, толмачом, в числе особо числящихся как поминки от шаха был набор нарядной конской упряжи вместе с седлом и попонами. Судя по тому, что именно парадное конское убранство впоследствии – в XVII–XVIII вв. преподносится особенно часто в числе именно «поминок» и, как правило, в особо тяжелых дипломатических ситуациях, конское убранство было именно тем престижно-дорогим подарком, который соответствовал подарку равному от равного, от шаха – царю. Такой подарок хорошо вписывался в русскую традицию пышных царских выездов, которые сопровождали вереницы лошадей в дорогах парадных облачениях.

Судя по запискам иностранных послов, их воображение поражала и роскошь конского убранства, и количество лошадей в царских выездах: Бориса Годунова, например, сопровождало до 600 лошадей, а Екатери-

ну II в особо торжественных случаях до 2 тыс. Эти выезды оставались популярными вплоть до XVIII века, поэтому очевидно, в качестве шахских даров-поминок конская упряжь была вполне уместна.

Так, конская упряжь, в том числе и седла, были преподнесены в качестве даров-поминок Михаилу Романову посольством 1635 года.

Форма обоих седел часто встречается на иранских миниатюрах того времени – пологая задняя лука рассчитана на свободную посадку всадника. Эта форма седел ведет свое происхождение от традиции кочевников и широко была распространена в XVI–XVII вв.

Однако при атрибуции этих памятников внимание исследователей привлекла не форма, а общая стилевая традиция декора: седла в золотой оправе с чеканным, в невысоком рельефе по канфаренному фону, растительным узором и обилием драгоценных камней в определенном наборе – рубины, турмалины, бирюза и жемчуг; и способ крепления камня: высокий каст повторяет природную форму большого по размеру камня, а для малых и средних камней – приближен к форме цветочного лепестка. Общий композиционный прием, наличие бордюра из крупных и мелких драгоценных камней и стекол по краям отдельных конструктивных деталей позволяет отнести эти изделия к одному центру производства, несмотря на то, что между посольствами, привезшими их в Россию, прошло почти пятьдесят лет.

Такой центр, специализировавшийся на изготовлении вещей из золота и драгоценных камней и, очевидно, обладавший монопольным правом на их изготовление, по мнению И. Вишневской, атрибутировавшей седла, был Исфахан, точнее, исфаханские придворные мастерские «кархане».

Мастера центра, видимо, не только обеспечивали предметами роскоши шахский двор, но работали и на экспорт и, следовательно, были ориентированы и на европейский рынок. Именно этим можно объяснить наличие нехарактерных для иранского искусства XVI–XVIII вв. форм и орнаментальных мотивов. Возможно, что мастера центра в меньшей степени находились под контролем обязательного соблюдения канонов исламского искусства. Во всяком случае, именно это отступление от канона позволило использовать роскошные изделия иранских мастеров как торговым компаниям, так и отдельным лицам и дипломатическим миссиям других стран в качестве даров.

В 1665 г. посольством Голландии в Москву был привезен буйволиный рог в золотой оправе, близкой к работе исфаханских мастеров, а в 1659 г. Торговая армянская компания заказывала именно исфаханским мастерам трон для русского царя Алексея Михайловича. Компания была

заинтересована в получении льгот при торговле с Россией и не покупалась на приобретение в Индии множества драгоценных камней, в том числе и 876 алмазов, отчего трон получил название алмазный.

Форма трона – европейская, но подборка камня, обилие бирюзы и великолепные пластины с миниатюрами в стиле иранских рукописей, выполненные по черненому серебру с изображением птиц, растений, животных и сцен охоты, делает этот трон памятником именно иранского искусства.

Возможно, именно мастера из придворных мастерских Исфахана работали в Конюшенном приказе Московского Кремля в XVII в., поскольку обмен дипломатическими посольствами предусматривал не только обмен «поминками-дарами», но и мастерами – известно, что в Иране работали русские «седельных дел мастера».

В Москве же практика использования работ иностранных мастеров известна с середины XIV в. Работая на Русский двор, мастера должны были подготовить двух русских учеников, обучив их своему искусству. Возможно, часть предметов из коллекции Музеев Московского Кремля, которые стилистически тесно связаны с иранскими традициями XVI–XVII вв., но соотносимые с закупками, могли быть созданы иранскими мастерами в стенах кремлевских мастерских. Это запоны на складах Евангелия, золотые мошевики, посохи и т.п.

В Москве иранских мастеров ценили за изысканную декоративность, удачно подчеркивающую органическую связь орнамента с формой и функциональным назначением предмета.

Иранские вещи XVI–XVIII вв., представленные в собрании Оружейной Палаты Московского Кремля, легко узнаваемы. Это обилие золота и драгоценных камней, среди которых преобладают бирюза и турмалин. Инкрустация металлом, использование гравировки и резьбы при нанесении орнамента делает их изысканно-роскошными. Именно этими характеристиками отличаются и два трона: дар-поминки Аббаса I Борису Годунову в связи с посольством 1604 года и дар-поминки Михаилу Романову, возможно, вместе с конской упряжью в 1635 году.

В числе дипломатических привозов традиционно-обязательными были и драгоценные ткани. Отсутствие в России собственного производства парчи и бархата и, в то же время, социальная потребность в них делала русский рынок особо притягательным для восточных купцов.

Дело в том, что в России XIV–XVII вв. покроем одежды всех социальных слоев населения был практически одинаков, даже мужская одежда от женской существенно не отличалась по крою. Лишь ткань давала возможность подчеркнуть социальный статус человека. Ткани были и

в числе закупок русского двора у «заморских» купцов, и в числе даров посольств и купцов.

Драгоценные ткани высоко ценились и неоднократно перешивались из одной вещи в другую. Так, отслужившие и пришедшие в относительную негодность церковные облачения, в которых использовались большие куски материи, могли быть со временем использованы в шитье светской одежды, как мужской, так и женской.

Исключительная изысканность иранских тканей XVI–XVIII вв. достигается сочетанием розовых, голубых и зеленых цветов в орнаменте цветов шиповника, гвоздики и тюльпанов на длинных изогнутых стеблях. Подчеркнутая условность такого орнамента производит впечатление живых цветов, трепещущих на ветру. В руках российских мастериц ткани превращались в церковные облачения и светскую одежду, шитые покрывала для религиозных и светских нужд; часть из них сохранилась до наших дней в виде законченных произведений.

Коллекция парадного оружия иранской работы, судя по источникам, складывалась в Государственной казне в процессе посольских даров и закупок. Среди многочисленных кинжалов и шлемов, сабель и палашей, богато украшенных драгоценными камнями и инкрустированных металлом, особо отличается щит, уникальный по своим художественным достоинствам. Он принадлежал князю Мстиславскому, воеводе XVI века и после его смерти был взят в Казну. Уже современники оценили великолепное мастерство Мухаммед Мумина, мастера, создавшего этот шедевр. В описи 1687 г. щит записан под № 1 и оценен в 1000 рублей, что по тем временам составляло огромную сумму. Сам мастер, подписав свою работу, определил себя как инкрустатор по металлу – Зернишан.

Щит кован из цельного листа «красной булатной бронзы» и центральная его часть выведена на конус, в центре вершины вмонтирован драгоценный камень, от которого разворачиваются чеканные спиралевидные полосы. Эти полосы через одну инкрустированы золотом – только под лупой можно рассмотреть тончайшие нюансы в изображении цветов и животных, сцены битвы и бытовые, жанровые картинки в стиле иранских миниатюр XVI в. Художественный замысел, мастерски исполненный, не нарушил и боевые характеристики щита, способного во время поединка, отражая солнечные лучи в вихре своей спирали слепить противника. Этому щиту пока неизвестно аналогов и он считается единственным в мире.

В экспозиции музеев Московского Кремля работа иранских мастеров давно занимает свое достойное место. Однако в репрезентивной экспозиции сначала придворного музея XVIII–XIX в., затем старейшего

музея страны XX века иранская коллекция выступала скорее как свидетель дипломатических и торговых контактов, нежели как собрание памятников искусства. Она и исторически сложилась как результат поисков и установления дипломатических отношений между двумя странами. В такой целостности художественная уникальность вещей лишь подчеркивается и высвечивается своими новыми гранями.

М.Г. КРАМАРОВСКИЙ

ЗОЛОТАЯ ОРДА В РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ И НАУКЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

(послесловие к выставке «Сокровища Золотой Орды».
Казань-С.-Петербург, 2001–2002 гг.)

С 30 августа 2000 г. по 14 января 2001 г. в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан (Казань) и с 1 февраля 2001 г. по 15 февраля 2002 г. в Эрмитаже проходила выставка «Сокровища Золотой Орды», организованная Государственным Эрмитажем при участии Государственного Исторического Музея (Москва) при поддержке Аппарата Президента Республики Татарстан и Казанского Совета народных депутатов. Выставка проводилась под патронатом Президента РТ М.Ш. Шаймиева.

Это была первая выставка, посвященная художественной жизни Золотой Орды. В экспозицию вошли более тысячи предметов из золота и серебра, созданные мастерами самого западного из чингисидских государств, образованных после распада «Великого монгольского государства». На выставке было представлено четыре крупных комплекса вещей, отражающие четыре основные темы¹. Группа памятников преимущественно 2-й пол. XIII в. (среди них «Чингисов камень», великоханские пайцзы, воинские пояса) обозначила тесную связь традиций «Великого монгольского государства», сложившегося при жизни его основателя Чингисхана (1155–1227), с ранним этапом становления культуры Джучидского улуса. Оригинальные золотоордынские черты с наибольшей полнотой нашли выражение в группе чаш из серебра, сконцентрированной вокруг Ивдельской находки (Ивдель – поселок в Свердловской области). Этот комплекс памятников отражает особенности художественного металла среднеордынского периода (конец XIII – первые две трети XIV веков). Художественное серебро позднеордынского периода (середина – последняя треть XIV – первая половина XV века) представлено